

ПРАВДА ИСКУССТВА

НЕТ ТАКОГО АКТЕРА, который бы не размышлял над шекспировскими ролями, даже если за всю жизнь не удалось сыграть ни одной. И очень многие мечтают о роли Ричарда III.

Советского актера влечет к гениально созданной Шекспиром роли Ричарда III не только чисто художественный и исследовательский интерес, но и пафос гражданственности. Объяснить природу социального зла, деспотизма несправедливой власти, предугадать его судьбу, указать его уязвимые места и неизбежность гибели — разве это не почетная задача для современного советского художника? Потому-то мечтает о роли Ричарда и уже разрабатывает план ее Иннокентий Смоктуновский, потому-то с таким пылом и напряжением всех сил таланта играют эту роль Васо Годиашвили в Тбилиси, Владимир Самойлов в Горьком, Николай Засухин в Куйбышевском театре...

У горьковских любителей театра 24 июня был праздник: Куйбышевский драматический театр, гастролирующий в Горьком, показал свой спектакль «Ричард III», о котором уже несколько лет говорит театральная пресса. Нечасто происходят такие радостные встречи, но то, что они все-таки бывают, — залог бессмертия трудного и вдохновенного, необходимого человеку искусства театра. Дорого, что здесь мы имеем дело именно с театральным искусством, в его самом чистом и совершенном виде: ни в кино, ни в живописи, ни в скульптуре такое воплощение образа невозможно. Если и есть здесь синтетические черты, то только в той мере, в какой синтетичен театр вообще и современный театр в особенности.

Шекспир неисчерпаем. Каждый актер в бездонной глуби-

не шекспировского образа находит что-то свое, то, чего другому, может быть, не удастся увидеть. Горьковчане в своем театре видели совсем другого Ричарда в исполнении Владимира Самойлова: чрезвычайно достоверного и живого грубого вояку, опаснейшего и наглйшего демагога, деловитого циника, размашистого аморалиста, беспощадного и самоуверенного убийцу. Его не мучает раскаяние, он скорее разочаровывается, достигая своих целей, и испытывает приступы мрачной, презрительной

общее чувство активной ненависти и желание борьбы против всех больших и малых ричардов нашей планеты.

Ричард III в исполнении Николая Засухина — сложнее, и страшен совсем по-другому. Это герой романтического стиля, герой исключительный, особенно зловещий неожиданностью своих чувств, мыслей, действий. Резко подчеркнута уродство Ричарда, особенно кривленая сухая рука. Эта рука, и кривое плечо, и волоочащаяся нога, и отталкиваю-

ается яростный, короткий, сдвинутый крик. Он почти прыжками двигается по сцене, все время мы видим его стремительные проходы: смертельно раненный, он ползет к упавшей с его головы короне, упираясь в землю клинком кинжала, — такими же яростными, напряженными рывками. Ричард живет как бы бегом, пытается пережить время, судьбу, смерть.

И еще он — актер, лицедей, избравший комедианство как способ оставаться самим собой среди ничтожных и мелких людей своей среды. Но как актер, он боится быть осмистанным, не очень уверен в своем воздействии на зрителей, и от этого такой напряженно-нервный, «звжатый», как сказали бы актеры-профессионалы. Ведь играет он роль монарха, «помазанника божьего», но сам — узурпатор трона, и от того, провалит он эту роль или победит, зависит его корона — вместе с головой. Минуты растерянности сфабрикованного актера то и дело возникают в плане роли, разработанной Н. Н. Засухиным со всем блеском мудрого мастерства.

И именно тогда, когда Ричард чувствует фальшивость своей актерской позы и судорожно хочет что-то исправить, возникает еще одна грань образа, несомненно, присущая шекспировскому герою, но часто пропадающая у большинства исполнителей роли. И тут эффект трагического потрясения и очищения как бы кругами расходится в зрительном зале. Николай Засухин находится в своем герою тоску и тяжесть извращенной человечности, когда сердце, какой бы коростой злобы оно ни покрывалось, сжимается от страха перед собственным преступлением. Несколько раз Ричард-Засухин как бы с трудом переводит дух, еле справившись с непрошенной слабостью — особенно сильно это ощущается тогда, когда мимо него ведут на казнь леди Анну, к которой он испытывал, несомненно, если не любовь, то страсть — и страсть разделенную. Здесь Ричард и страшен, и жалок одновременно. Здесь решается тема деспотической власти и индивидуализма, пожравшего самого себя, уничтожившего человека, и выражена эта тема в ярких, романтических, резко преувеличенных формах — театральных в самом лучшем значении этого слова.

Есть нечто шекспировское в этом строе роли — именно от театра времен Шекспира, от воздуха кулис знаменитого «Глобуса». В этом — и конкретность эпохи, — столько эпохи Ричарда Глостера, сколько Елизаветы Тюдора. Но только в этом, ибо вся роль выдержана в тонах исключительности, с легким патологическим оттенком. А это значит: воспевающая редким артистическим даром, великолепным темпераментом и филигранным мастерством Николая

Засухина, мы имеем возможность смотреть на его героя как бы со стороны, как на нечто необыкновенное, потрясающее, страшное и трагически-величественное, но именно со стороны. Ибо всякое редкое, исключительное концентрирование социального зла не столь опасно, как видимо — обыкновенная, житейская его оболочка, его естественная жизнь, до поры скрытая и лишь внезапно прерывающаяся катастрофами, взрывами и кризисами. Наверное, получается это потому, что здесь снова образ Ричарда III, как он написан Шекспиром, не исчерпан, потому, что он и не может быть исчерпан в одном актерском воплощении, пусть удивительно талантливым и доставляющем подлинное эстетическое наслаждение.

Что же касается спектакля, то по странному закону, который проявляется решительно во всех воплощениях этой трагедии Шекспира, он составляет фон для главного героя. И, надо сказать, не везде соответствующий по тону. Человеческий интерес вызывает, пожалуй, только безумная королева Маргарита в очень тонком и точном исполнении В. Е. Красевой. Основной образ спектакля создается не людьми, а цветом, светом, вещами — атрибутами эпохи. Мрак на сцене, черный фон, черный, серебристо-серый и огненно-красный цвета костюмов и предметов, подъемные мосты, виселицы, тени зубцов стены Тауэра и очерк плахи — все выдержано в единой гамме, строго и стильно по рисунку, избавлено от бытовых подробностей. В этой среде и живет главный герой спектакля, связанный, но отнюдь не сливающийся с ней.

Можно сколько угодно досадовать, как делают иные критики, что нет никакого противодействия злодею в человеческой среде спектакля. А его, этого противостояния, и быть не может: все герои шекспировской трагедии в сравнении с Ричардом — либо несчастные жертвы, либо хищники рангом помельче и поплше, сочувствовать особенно некому. И это как раз исторически точно, иначе не было бы и трагедии. Трагедийный конфликт «Ричарда III» разрешается не там и не в те времена.

Горьковчане-театралы сейчас спорят, какой же Ричард вернее, какой из исполнителей роли нащупал главное ее содержание. Скажем еще раз: и в том, и в другом решении содержится совсем по-разному понятая какая-то часть правды шекспировского характера.

Мы испытали большое чувство благодарности режиссеру спектакля П. Л. Монастырскому, художнику А. П. Белову и особенно, конечно, большому актеру Н. Н. Засухину за радость приобщения к вечной красоте искусства театра. А Шекспиру, как известно, нет конца!

А. АЛЕКСЕЕВА.

НА СНИМКЕ: Ричард III — народный артист РСФСР Н. Н. Засухин. Фото П. ВИКТОРОВА.

скуки. Холод его одиночества — от презрения к людям, физическое уродство его не мучает, он не чувствует его бремени. В исполнении Самойлова герою, может быть, не хватает исторической конкретности: феодальной слеси, средневекового склада мышления, но зато здесь такой современный тип индивидуализма, такое вполне сегодняшнее социальное зло, что вдумчивого зрителя охватывает чувство непосредственной, личной опасности — точно меч Ричарда у вашего собственного горла. И в зале возникает

своей аффектированной напряженностью лицо постоянно демонстрируются в очень выразительных, скульптурно четких позах актера, превращаясь в символ душевной извращенности, болезненной ущемленности и уязвленной гордыни.

У Ричарда-Засухина нет особой самоуверенности и властности, зато есть неотразимость бешеной активности, кипящей, ни на секунду не затухающей энергии в борьбе за корону. Этот Ричард страстно нетерпелив в своей целеустремленности, у него то и дело выры-

14